
Олеся Руданская
Сердце Зимнего Бога

Олеся Руданская
Сердце зимнего бога

https://litres.ru/74953404
SelfPub; 2026

Аннотация

Семь столетий он оберегал северное королевство, но не мог прикоснуться ни к одному человеку. Даже мимолетное касание зимнего бога отнимало год человеческой жизни.

Я приехала в его ледяной дворец ради выгодного заказа. Мне предстояло создать зачарованную ткань, способную укротить опасную магию.

Но кто предупредил бы меня, что за величием бессмертного бога скрывается мужчина, которому некому пожелать доброй ночи? Что однажды я стану ждать его шагов за дверью мастерской, а простое рукопожатие окажется дороже самых страстных признаний?

Я сумела защитить людей от его прикосновений, но не собственное сердце от любви.

Между нами оставалась тонкая зачарованная ткань. Чтобы убрать ее, Хальвару придется отказаться от вечности.

Только целое королевство еще не готово отпустить своего бога.

Содержание

Глава 1. Серебро на пальцах 4
Глава 2. Чужая мерка 21
Глава 3. Рука в перчатке 39
Глава 4. Человек до зимы 59
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Олеся Руданская
Сердце зимнего бога

Глава 1. Серебро на пальцах

— Нам необходима одежда для зимнего бога, — сказала Рагна Вест.

Я отложила серебряную нить. До ее прихода мы с Нерой заканчивали одеяло для лекарского дома при восточных воротах, и на рабочем столе еще лежала медная контрольная пластина. Королевская распорядительница северных земель, судя по печати с тремя горными вершинами на перстне, явилась к нам не ради теплых одеял.

— Хальвару холодно?

— Хальвар опасен для окружающих. Прикосновение к нему ускоряет старение, и обычная одежда не защищает от этого воздействия.

В детстве нас пугали рассказами о зимнем боге, способном превратить молодого человека в старика. Я давно перестала верить в то, что он разгуливал по ночам и наказывал непослушных детей. Но, как выяснилось, опасность его прикосновений была вполне реальной.

Рагна раскрыла кожаную папку. Несколько лекарских свидетельств, отчеты прежних мастеров, образцы неудавшихся

тканей. Один кусок больше походил на металлическую сетку, чем на материал для одежды.

— Почему вам понадобилось это именно сейчас?

— После осеннего обвала поврежден затвор в верховьях Эстры. Пока Хальвар укрепляет его магией, но весной понадобится помощь строителей. Ему придется работать рядом с людьми, а там достаточно одного неосторожного движения. Мы пробовали заказать защиту раньше. Безуспешно.

— Испытывали на людях?

— Он запретил.

Я поднесла образцы к лампе. Серебро было вплетено плотными полосами, а подкладка рассчитана на сохранение тепла. Если причина старения не в холоде, предыдущие мастера могли искать решение совсем не там, где следовало.

— Мне нужно будет изучить его силу, — сказала я. — Понадобятся время, материалы, возможность проводить испытания и снимать мерки. Успеха не обещаю.

— Вам предлагают двенадцать недель. Жить придется во дворце, там для вас оборудуют мастерскую. Все расходы на материалы и перевозку оборудования берет на себя казна.

Нера за моей спиной перестала сворачивать готовое одеяло. Я прочитала договор и вернулась к строке с вознаграждением. За такую сумму можно было купить пустовавшую красильню на улице Медников, о которой я мечтала почти два года, и даже начать ремонт.

Наш станок занимал половину первого этажа родитель-

ского дома. Второй поставить было негде, а заказы, требовавшие больших полотен, приходилось отклонять. Мне было двадцать девять, одиннадцать из них я занималась защитными тканями. Я умела придумывать магические рисунки, рассчитывать переплетения и испытывать готовые изделия. Вот только до сих пор слишком много времени уходило на то, чтобы уговорить заказчиков заплатить за мою работу.

Сегодня, например, господин Ларсен, поставщик лекарских домов, долго объяснял, почему готовое одеяло должно стоить дешевле, чем мы договорились.

— Серебро, которое я уже вплела в ткань, об этом не знает, — ответила я тогда.

Деньги он все-таки отсчитал, а насчет следующего заказа на двенадцать одеял обещал подумать: я потребовала половинную предоплату. При таких клиентах возможность открыть большую мастерскую стоила серьезных усилий. Но не жизни и не права распоряжаться результатами собственного труда.

— Здесь сказано, что все разработки перейдут в распоряжение королевской службы, — заметила я. — С этим я не согласна.

— Стандартное условие государственных договоров.

— Одежду вы получите. Способ ее изготовления останется моим. Если найду применение ткани в другом ремесле, я хочу иметь право производить ее самостоятельно.

— Вы еще ничего не открыли, госпожа Торн.

— Именно поэтому лучше договориться сейчас.

Рагна некоторое время изучала мое лицо, затем взяла перо. Казна получала право пользоваться изделиями и приобретать новые, а авторство оставалось за мной. Вознаграждение разбивалось на три части: при подписании договора, после получения испытательного образца и по завершении работ.

— Еще одно условие, — сказала я. — Если выяснится, что продолжать исследования слишком опасно, я должна иметь право уехать.

— Переверните лист. Хальвар сам настоял на этом.

Условие действительно было предусмотрено: деньги за выполненную часть работы возвращать не требовалось. Я не ожидала такой предусмотрительности от заказчика, которого в глаза не видела.

— Мне нужно посоветоваться с братом и прочитать все бумаги.

— До завтра я буду в доме городского совета.

Когда дверь за ней закрылась, Нера придвинулась к столу.

— Вы поедете? Говорят, во дворце даже кровати изо льда.

— Сомневаюсь, что это способствует здоровому сну.

— А заплатят много?

Я назвала сумму. Нера перестала улыбаться и оглядела нашу тесную мастерскую. Мы вместе ходили смотреть пустовавшую красильню, измеряли окна и спорили, где будут стоять станки. Для нее новое помещение означало возможность

получить настоящее ремесленное образование, для меня — осуществление замысла, который годами не удавалось сдвинуть с места.

— Тогда вы должны поехать, — сказала она.

— Сначала выясню, смогу ли вернуться оттуда в том же возрасте. Принеси лампу к столу, пожалуйста.

* * *

Берн пришел вечером с форелью, которую собирался приготовить к ужину. Я оставила его читать договор, а сама поставила на огонь кастрюлю и достала хлеб.

— Нет, — заявил он с порога кухни.

— Что именно?

— Ты никуда не поедешь.

Я подвинула ему стул. Брат унаследовал от отца широкие плечи, тяжелую походку и способность выглядеть недовольным даже при виде любимого блюда. Разница в четыре года давала ему, по его собственному убеждению, пожизненное право тревожиться обо мне.

— Ты бывал у затвора. Насколько серьезны повреждения?

— Весной могут пострадать целые поселения. Сооружение давно требовало ремонта, но средства выделяли на другие работы. Проект восстановления старого отводного русла лежит у распорядителей несколько лет. Пока повреждения удерживает лед, — объяснил Берн. — И этот человек, ко-

торого ты собираешься одевать, может удерживать его там, где обычная кладка давно развалилась. Ты хоть понимаешь, с кем имеешь дело?

— Поэтому начну с испытаний на приборах. Никаких опытов на людях, пока не получу надежной защиты.

— Я знал старого горного проводника. Его прадед видел, как после прикосновения Хальвара молодой человек за несколько мгновений превратился почти в старика.

Брат говорил без привычного назидательного тона. Мне стало по-настоящему не по себе. Я представила узкий коридор, неудачный поворот во время примерки, собственную руку, которой машинально попыталась бы удержать падающего человека.

— В договоре есть право отказаться, — сказала я. — Если не найду безопасного способа работать, вернусь домой.

— У тебя уже есть дело, дом. Зачем тебе еще что-то?

После смерти родителей именно Берн помог мне сохранить мастерскую, несколько месяцев отдавая часть заработка на выплату отцовских долгов. Я вернула ему деньги, но с тех пор он считал, что спокойной жизни в старом доме мне вполне достаточно.

— Я не хочу еще десять лет заниматься одним и тем же, Берн. Мне тесно. И не только за станком. Я хочу попробовать создать вещь, которой пока нет ни у кого.

Он посмотрел на меня, развернул сверток с рыбой и взял нож.

— Тогда сначала поедим. Ты хуже рассуждаешь, когда голодная.

За ужином мы обсудили дорогу и возможные меры предосторожности. Он посоветовал взять запасные теплые сапоги и обещать, что я буду писать ему хотя бы раз в неделю. На прощание брат еще раз попросил не экономить на собственной безопасности. Это я могла ему обещать без всяких оговорок.

* * *

Утром я подписала договор, получила копии лекарских записей и отчетов предыдущих мастеров, а через три дня уже грузила в повозку разборный станок и ящики с приборами. Во дворце имелось старое оборудование, но рассчитывать на его исправность не стоило.

Нера оставалась за главную. Мы распределили заказы, разобрали счета поставщиков и договорились не брать сложной работы без моего согласия. На прощание я напомнила ей о Ларсене и половинной предоплате. Она поклялась, что сумеет справиться, и сунула мне в дорожную сумку пироги с мясом и капустой.

Берн проводил нас до городских ворот. Вскоре Вейрхольм скрылся за деревьями, и я открыла папку Рагны. Возница Эйрик, немолодой разговорчивый мужчина, не мешал мне читать.

В одном старинном свидетельстве сообщалось о пострадавшем, который оставался в сознании, не жаловался на боль, но после прекращения контакта испытывал слабость и головокружение. Его тело состарилось за несколько мгновений. В другом случае внешних изменений почти не заметили, и точное количество утраченных лет установить не удалось. Ни один лекарь не упоминал обморожений.

Я подчеркнула эту подробность. Плотная шерсть и серебряная подкладка могли сохранять тепло, но вряд ли помогали против старения. Мне требовалось исследовать другое: можно ли направить божественную силу вдоль поверхности ткани, не позволяя ей проникнуть дальше. Для некоторых известных видов магии такой способ существовал. Прежде чем применять его к богу, предстояло изобрести надежный прибор для испытаний.

К полудню мы остановились у трактира. Хозяйка, подав нам горячую рыбную похлебку, попросила передать Хальвару благодарность: в прошлом году он помог открыть заваленную снегом дорогу к их поселению.

— Вы часто ездите во дворец? — спросила я у Эйрика, когда она ушла.

— Два-три раза в месяц. Продукты, письма. Господин Хальвар платит вовремя, разговаривает вежливо.

— А вблизи вы его видели?

— Нет, госпожа. Я бы предпочел дожить до старости постепенно.

Я вполне разделяла это предпочтение. Эйрик рассказал, что прежде зимний бог чаще бывал на праздниках, однако теперь почти не посещал поселений. Когда все боятся подойти, праздновать, наверное, не особенно хочется, заключил он.

К вечеру мы добрались до перевала и заночевали в небольшом постоялом дворе. Перед сном я составила перечень вопросов. Как быстро проявляется воздействие? Меняется ли его сила, когда Хальвар пользуется магией? Безопасно ли прикасаться к вещам, которые он держал в руках? Последнее было особенно важно: если опасность сохранялась на предметах, я даже не знала, с чего начинать работу.

* * *

На следующий день за поворотом горной дороги показались башни с медными крышами. Ледяной дворец вовсе не состоял изо льда: темные каменные стены поддерживали прозрачные зачарованные панели, в которых преломлялось солнце, а из труб поднимался совершенно обыкновенный дым. Во дворе стояли повозки, двое мужчин работали возле конюшни.

У дверей нас встретила Сигна, седая женщина в коричневом платье. Она распорядилась отнести ящики в восточное крыло и показала мне спальню с камином и письменным столом. Через два помещения находилась мастерская. Уви-

дев высокие окна, широкие столы и свободное место вокруг старого ткацкого станка, я невольно подумала о красильне на улице Медников.

— Господин Хальвар просил узнать, хватит ли вам света, — сказала Сигна. — И велел напомнить, что в коридорах нужно оставлять место для прохода. В узкие он почти не заходит.

— Вещи, которых он касался, безопасны?

— Совершенно. Я служу здесь больше двадцати лет, пользуюсь той же посудой и пока сохранила все положенные мне морщины. Только не вздумайте хватать его за руку, если споткнетесь. Он и сам очень осторожен.

Сигна объяснила, что остальные работники приходят из ближайшего поселения по необходимости. Я попросила устроить встречу с Хальваром в тот же день. После обеда, проверив целостность приборов, отправилась с ней по галерее. В руках у меня была папка с вопросами; пальцы от волнения крепко сжимали корешок. Сигна остановилась перед открытой дверью.

— Госпожа Торн прибыла.

— Благодарю, Сигна.

Услышав его низкий голос, я почему-то ожидала увидеть старика. Вместо этого за широким столом, заваленным картами, стоял высокий мужчина в темной рубашке и шерстяном жилете. Он отложил деревянный карандаш; у окна догорала свеча, возле раскрытой книги остывала чашка.

— Госпожа Торн.

— Господин Хальвар.

Я собиралась ограничиться вежливым поклоном, но в последний момент засомневалась, достаточно ли этого при встрече с божеством. Хальвар, кажется, заметил мое замешательство.

— Обычного приветствия вполне достаточно. Если вас предупредили об обратном, прошу считать эти сведения устаревшими.

— Меня вообще мало о чем предупредили.

— Постараемся это исправить.

Он указал на кресло возле стола. Я села, стараясь не рассматривать его слишком откровенно.

На городских изображениях зимнего бога рисовали седобородым старцем в белых мехах. Этому мужчине на вид было лет тридцать шесть. Широкие плечи, темные волосы с серебром у висков, прямой нос и небольшие складки возле серо-голубых глаз. Когда он повернул кресло так, чтобы мне было удобнее сесть, я заметила, что двигается он без обычной для высокого человека неловкости. Мне пришлось напомнить себе, что я приехала рассматривать его фигуру по вполне определенной профессиональной причине. Он сел напротив, оставив между нами широкий стол.

— Рагна сообщила, что вы согласились принять заказ. Хотел бы прежде всего убедиться, что вам объяснили возможные последствия.

— Я ознакомилась с некоторыми лекарскими свидетельствами.

— С какими именно?

Я назвала даты нескольких свидетельств. Хальвар поправил продолжительность соприкосновения в последнем отчете, а затем указал на имя лекаря.

— Он записал рассказ уже после того, как пострадавший оправился. Некоторые обстоятельства мы выяснили позднее.

— Вы помните тот случай?

— Да. Лекарь тогда еще был молодым.

Я опустила глаза на дату. Пять столетий. Для него речь шла о знакомом человеке, для меня — об имени в ветхой книге. Это простое обстоятельство подействовало сильнее любого изображения бога с короной из ледяных шипов.

— Предыдущие мастера пытались защищать людей от холода, — сказала я. — Но, судя по свидетельствам, он не является причиной старения. Я хотела бы исследовать другие свойства вашей силы.

— Вы будете использовать живых существ?

Вопрос прозвучал буднично, однако выражение его лица изменилось.

— Нет.

— Даже для заключительных испытаний?

— Сначала я намерена разработать способ обнаружения опасной энергии без непосредственного контакта с челове-

ком. До получения надежных результатов никаких испытаний на людях не будет.

Он положил лист обратно.

— Это обязательное условие.

— Для меня тоже.

Несколько мгновений Хальвар рассматривал принесенные мной бумаги.

— Что вам потребуется от меня?

— Время. Возможность наблюдать за проявлениями вашей силы. Участие в испытаниях материалов. Позднее — примерки.

— Полагаю, последним мастером, который снимал с меня мерки, был портной лет двести назад.

— Надеюсь, с тех пор размеры не слишком изменились.

Хальвар поднял глаза.

— У бессмертия есть некоторые хозяйственные преимущества.

Я улыбнулась.

— В таком случае работа окажется немного проще.

Он придвинул к себе чашку, и я заметила, что на его руках не было перчаток.

Обычные мужские руки с длинными пальцами и выступающими костяшками. На основании большого пальца виднелся светлый шрам.

— Достаточно самого краткого контакта? — спросила я, переведя взгляд на записи.

— К сожалению. Обычная одежда тоже не помогает.

— Меняется ли сила воздействия, когда вы управляете стихией?

— Насколько мне известно, нет. Уверенно утверждать этого не могу.

Мне понравилось, что он не пытался выдать предположение за факт. Чтобы убедить меня в безопасности вещей, Хальвар положил свой карандаш посреди стола. Я дождалась, пока он уберет руку, и взяла его. Никаких необычных ощущений не последовало. Так у меня появился первый надежный ответ: воздействие прекращалось вместе с контактом, а предметы не накапливали опасную силу.

Мы договорились изучить сохранившуюся одежду и отчеты из библиотеки. Большую часть утра Хальвар проводил в горах, а после полудня мог приходить в мастерскую. Будущий костюм должен был выдерживать сырость, мороз и трение; особенно меня беспокоили перчатки с их многочисленными швами. Я объяснила, что именно соединения деталей чаще всего становятся слабым местом защитного изделия.

— Если потребуется больше времени, — сказал Хальвар, — сообщите Рагне. Не хотелось бы, чтобы необходимость соблюдать срок заставила вас пренебречь проверками.

— Об этом можете не беспокоиться. Я предпочитаю спорить с заказчиками, пока они еще способны предъявлять претензии.

Он посмотрел на меня и неожиданно тихо рассмеялся.

Смех у него оказался приятным, совсем не торжественным.

— Пожалуй, нам удастся договориться.

В гостиную вошла Сигна с подносом. Она поставила передо мной чашку горячего чая, рядом оставила тарелку с тонкими ломтиками яблочного пирога.

— Госпожа Торн с дороги, — сказала она Хальвару. — А вы снова забыли про время.

— Мы почти закончили.

— Вы всегда почти закончили.

Сигна ушла, не дожидаясь ответа.

Я отпила чай. После двух дней в дороге он показался необыкновенно вкусным.

— Вам удобно в отведенных помещениях? — спросил Хальвар.

— Да. Особенно понравилась мастерская.

— Станок, вероятно, придется привести в порядок. Он давно не использовался.

— Я заметила. Но основа хорошая. Посмотрю, можно ли его восстановить.

— Если потребуется помощь с деревом, скажите.

— Здесь есть плотник?

— При необходимости найдется.

Я не придала значения его словам.

Допив чай, я собрала бумаги и поднялась. Хальвар тоже встал, но остался у кресла. Только тогда я поняла, что за весь разговор он ни разу не оказался на расстоянии, с которого

мог бы меня случайно коснуться. Его движения были рассчитаны с привычной, почти незаметной точностью.

— Позвольте еще одно замечание, госпожа Торн.

— Слушаю.

— При работе со мной не следует полагаться исключительно на мою осторожность. Если вы заметите опасное сближение, немедленно скажите об этом. Я никогда не сочту такое предупреждение невежливым.

— Договорились.

— И если обнаружите, что выполнить заказ невозможно, не пытайтесь доказать обратное ценой собственного здоровья.

Обычно заказчики не любили слышать о возможности неудачи. Этот, казалось, был готов потерять куда больше денег, чем я могла представить, лишь бы никто не пострадал.

— Я постараюсь найти решение.

— Этого достаточно.

Он проводил меня до двери, остановившись за несколько шагов от порога.

По привычке я едва не протянула ему руку на прощание. Остановившись, заметила, как он перенес ладонь за спину. Ни слова не прозвучало, однако мне стало неловко за нас обоих.

— Тогда завтра после полудня? — уточнила я.

— Буду в мастерской.

В своих комнатах я разожгла камин, разложила записи и

наметила испытания. За окном темнел склон; ветер гнал над вершинами длинные белые полосы. Где-то в этих горах человек, сидевший сегодня напротив меня с чашкой чая, уже семь столетий удерживал опасную стихию. Вопрос о том, сколько усилий ему требовалось, чтобы пройти мимо другого человека в коридоре собственного дома, не отпускал меня гораздо дольше, чем мысли о его силе.

Нере я написала, что благополучно добралась и получила прекрасную мастерскую. Брату сообщила, что во дворце тепло, кормят хорошо, заказчик рассудителен и я по-прежнему выгляжу на свои двадцать девять. Берну полезно было иногда читать хорошие новости.

Глава 2. Чужая мерка

Утром я обнаружила в мастерской трех незнакомых мужчин. Сигна успела вызвать плотников из поселения, и теперь они разбирали старый станок, поскольку Хальвар велел привести его в порядок до обеда. Я попросила не торопиться: на первое время хватит моего малого станка.

Пока плотники работали, Сигна отвела меня в хранилище за библиотекой. Там лежали одежда и обувь давно вышедших из употребления фасонов, а также все изделия, изготовленные прежними мастерами. По меткам на четырех плащах, двух жилетах, наручах и перчатках я отыскала соответствующие отчеты.

Почти все вещи оказались тяжелыми. Один плащ вполне мог заменить небольшой шатер. В подкладке я узнала узор для сохранения тепла в зимних палатках, в другом изделии — рисунок из лекарских одеял. Даже самый удачный на вид жилет, отводивший холод к подолу, не препятствовал действию неизвестной силы. Серебряная нить сохранила свои свойства; виноват был способ ее использования. Все мастера решали разные варианты одной и той же задачи, не выяснив, правильно ли она поставлена.

В библиотеке нашлись две книги с записями испытаний. Один из предшественников подробно описал устройство контрольной пластины и состав ее покрытия. Часть на-

званий устарела, однако основные вещества я узнала. К полудню у меня появился план первого опыта.

Я как раз пыталась вычистить из узкого паза старой медной пластины засохшую смолу, когда в дверях появился Хальвар. Плотники к тому времени ушли за новыми деталями, и я сидела посреди мастерской, окруженная образцами чужих неудач.

— Как видите, — сказала я, — у вас весьма богатое собрание бесполезной одежды.

Он остановился у длинного стола и взял за край тяжелый плащ.

— Этот предлагали носить в городе. До сих пор удивляюсь, каким образом его создатель представлял мою посадку на лошадь.

— Возможно, предполагалось, что вас будут возить на телеге.

Хальвар оглядел разложенные вещи.

— Что-нибудь полезное среди них нашлось?

— Журнал одного мастера. Он сумел обнаружить вашу силу прибором. Теперь мне нужно повторить его опыт, а потом попробовать кое-что изменить.

Я показала Хальвару две пластины. Одна была моей, другая нашлась среди старых инструментов. Обе состояли из металлического основания, тонкого слоя минеральной смолы и набора знаков, вырезанных вдоль краев. Разница заключалась в центральном рисунке. Моя пластина предназнача-

лась для испытания уже знакомых защитных тканей, а старая могла регистрировать воздействие, не указывая его природу.

— Такие приборы очень удобны, когда работаешь с неизвестной магией. Сначала мы выясним, появляется ли на них тот же след, который описал мастер. Затем проверим реакцию при разных условиях.

— Вам потребуется, чтобы я приложил к ним руку?

— Только к металлическому основанию. Ничего живого в опыте участвовать не будет.

Хальвар некоторое время рассматривал старый прибор. Затем указал на тонкий кусок полупрозрачного материала, вставленный в центральное углубление.

— Что это?

— Приемный слой. В нем заключен искусственный рисунок, похожий на тот, который образует жизненная магия. Он реагирует на определенные воздействия так же, как поверхность человеческого тела, но сам по себе совершенно неживой.

— Откуда берется этот рисунок?

— Его создают при помощи обычных знаков и нескольких минеральных составов. Лекари используют похожие приемники, когда проверяют свойства новых защитных повязок. Мой отец научил меня изготавливать их еще в детстве.

— То есть прибор только воспроизводит отдельные свойства живого тела?

— Именно. Если бы мы могли изготовить из меди чело-

века, я бы давно завела помощника, который не просит прибавки к жалованью.

Он усмехнулся, но продолжил задавать вопросы. Ему хотелось знать, как я собираюсь определить, что прибор действительно реагирует на нужную силу, и не получится ли так, что совершенно безопасная для пластины ткань окажется бесполезной при человеческом прикосновении. Вопросы были правильными. Я сама беспокоилась о том же, поэтому вместо обещаний предложила начать с проверки известных случаев.

— Если приемник отреагирует на вашу руку сквозь обычную ткань, это будет соответствовать описаниям лекарей. Если промолчит, придется искать другой способ измерения. Пока мы ничего не докажем, к испытаниям одежды не перейдем.

Хальвар наконец согласился. Я положила прибор на стол, отошла к окну и попросила его коснуться ладонью открытой поверхности приемника. В тот момент, когда пальцы легли на смолу, по краю пластины прошла тонкая белая черта. На следующем ударе моего сердца она стала шире, затем рядом появилась вторая. Хальвар убрал руку, и свечение угасло, оставив на приемном слое две бледные полосы.

— Еще раз, пожалуйста. На этот раз как можно короче.

Он повторил движение. Возникла одна полоса.

Я зарисовала результат в журнале, после чего подала ему сложенный вдвое кусок обычного льна. Мы провели тот же

опыт с тканью между рукой и прибором. След получился таким же, как прежде, хотя льняное полотно оставалось холодным после нескольких минут на подоконнике. Шерсть тоже ничего не изменила. Даже толстая кожаная рукавица, которую Хальвар снял с полки по моей просьбе, не помешала появлению белой полосы.

Оставалось отделить опасную силу от обычного холода. Для этого я принесла с двора кусок льда, завернула его в ткань и ненадолго положила на второй приемник. Металл охладился, выступили капли воды, но характерного следа не возникло. Потом Хальвар по моей просьбе охладил воду в небольшом кувшине, не касаясь его. Приемник, лежавший рядом, остался чистым.

Я с удовольствием подчеркнула в журнале первое подтвержденное наблюдение. За день, еще даже не начав работать с серебром, удалось избавиться от заблуждения, которое мешало прежним мастерам.

— Пожалуй, сегодня можно считать нашу встречу удачной, — заметил Хальвар.

— Мы только выяснили, отчего не помогают ваши шубы.

— Учитывая, сколько за них заплатили, уже немало.

Я засмеялась и принялась записывать необходимые материалы. В какой-то момент обнаружилось, что вместо одного из листов я взяла список покупок, составленный еще в Вейрхольме. Среди нужных мне минеральных составов стояли сушеные груши, мыло и пять локтей дешевой тесьмы.

Хальвар успел прочитать список, прежде чем я его забрала.

— С грушами, полагаю, проблем не возникнет, — сказал он. — Остальное придется уточнить у Сигны.

На следующий день я впервые увидела Хальвара в обществе других людей. Он пришел в мастерскую раньше назначенного времени, когда плотники проверяли новый нижний вал. Заметив его в коридоре, старший мастер торопливо отступил к стене, зацепился рукавом за дверную ручку и едва не выронил инструменты. Хальвар подождал, пока мужчина освободится, спросил, удалось ли найти подходящую древесину, и спокойно выслушал подробный ответ. Плотник между тем старательно смотрел куда угодно, только не на собеседника.

Когда мужчины ушли, я опробовала станок. Новая распорка сидела прочно, вал вращался свободно, а старое дерево после чистки выглядело почти новым. Оказалось, что прежние владельцы заказали его у мастера, хорошо знавшего свое дело. Мне даже стало немного жаль собственного разборного станка, которому предстояло провести большую часть зимы возле дальней стены.

— Они хорошо поработали, — сказала я.

— Передам им.

— Вы и сами могли бы сказать. Они еще не ушли со двора.

Хальвар посмотрел на пустую дверь.

— Мое появление всякий раз мешает людям работать. Иногда проще передать благодарность через Сигну.

Вчера, в его гостиной, я почти забыла об обстоятельствах, при которых мы познакомились. Теперь поняла, что за пределами наших встреч ему приходилось иметь дело с той же неловкостью, какую я только что наблюдала. Плотники не желали его обидеть, но каждый шаг Хальвара заставлял их думать о том, достаточно ли места оставлено между ним и другими людьми.

Я разложила измерительные ленты, угольник и длинную раздвижную рейку, а на полу возле окна сделала две меловые отметки.

— Сегодня займемся мерками. Станьте сюда, пожалуйста. И снимите жилет, он слишком толстый. Рубашку можете оставить.

— Как великодушно с вашей стороны.

Хальвар повесил жилет на спинку стула. Измерить высоту плеч с помощью рейки оказалось просто, но с остальными мерками ему предстояло помогать мне самостоятельно. Я передала ему ленту, попросила обернуть вокруг груди и повернуть отметками в мою сторону.

— Не задерживайте дыхание. Одежда должна позволять вам двигаться.

Он выдохнул. Лента натянулась. Свет из окна отчетливо обозначил под рубашкой линию плеча и спины. Обычно при примерке я думала прежде всего о том, сколько ткани понадобится. На этот раз пришлось сознательно сосредоточиться на цифрах.

— Левое плечо чуть ниже, — заметила я.

— Старая травма.

— До того, как вы стали богом?

— Да. Очень давно.

Мне захотелось расспросить его о шраме и прежней жизни, но для начала предстояло справиться с рукавами. Хальвар предложил снять мерки со старого дорожного кафтана. Я возразила: необходимо видеть, где натягивается ткань при движении. С помощью деревянного зажима на конце рейки мы измерили руку, не нарушая безопасной дистанции.

— Много еще распоряжений? — спросил он.

— Десятка два.

— Следовало пообедать перед приходом.

Я засмеялась. Он улыбнулся в ответ, и я едва не пропустила нужную отметку на ленте.

Для перчаток пришлось придумать другой способ. Хальвар обвел обе ладони на плотной бумаге; я попросила его дополнить рисунок размерами кисти и запястья. Он положил левую руку на лист, придерживая его пальцами. Мне было бы удобнее наклониться над столом и поправить карандаш, но я осталась на месте. От бумажного силуэта до живой руки было меньше ладони. И все же этого расстояния нельзя было нарушать.

— На сегодня все, — объявила я.

— Не думал, что у человека столько размеров.

— У вас даже меньше обычного. По крайней мере, через

год не придется менять обхват талии.

— Утешительная мысль.

Уходя, он забрал один из старых плащей. Как выяснилось, на подкладке сохранился знак мастерской, существовавшей задолго до рождения моего отца, и Хальвар собирался уточнить дату изготовления по своим записям. Остальные вещи оставил мне для изучения.

Я еще долго перебирала бумажные выкройки, стараясь представить, как расположить защитный рисунок на участках сложной формы. Обычный портной сначала думал о посадке одежды, а потом о расположении декоративной вышивки. Мне предстояло работать наоборот: сначала создать непрерывную магическую границу, затем придать ей форму человеческого тела. На бумаге задача выглядела почти неразрешимой.

* * *

К четвертому дню мастерская пропахла льняным маслом и нагретым металлом. Я сплела несколько узких полос с различными серебряными рисунками, закрепила их на деревянных рамках и разложила возле окна. По опыту работы с лекарскими тканями мне было известно, что определенные сочетания нитей способны направлять магическое воздействие вдоль поверхности материала. Оставалось выяснить, подойдет ли такой принцип в нашем случае.

Хальвар пришел после полудня, как и договаривались. Мы проверили пять образцов. Первый вовсе не повлиял на показания прибора, второй немного ослабил белое свечение, третий вызвал любопытный эффект: след возник только возле края ткани. С четвертым вышла неприятность. Серебряная нить нагрелась и лопнула, оставив в льняном полотне крошечную дыру. Хальвар немедленно убрал ладонь.

— Вы не пострадали? — спросила я.

— Нет. А прибор?

Я осмотрела пластину. На краю приемного слоя появился темный налет, который удалось снять деревянной лопаточкой. Пока ничего страшного не произошло, однако пришлось признать, что мой рисунок оказался не рассчитан на такую силу.

Пятый образец не показал ничего нового. Я отложила его к остальным и вернулась к третьему.

— Вот здесь воздействие прошло только возле края. Значит, большая часть рисунка сработала.

— Или пластина плохо соприкасалась с тканью, — предположил Хальвар.

Мне не понравилось это замечание главным образом потому, что оно было совершенно справедливым. Я проверила крепление, выровняла образец и попросила его повторить опыт. Белая полоска снова появилась возле края, хотя теперь сместилась немного в сторону.

— Еще раз. Повернем полотно.

На этот раз след возник с противоположной стороны. Я отметила его мелом на рамке.

— Видите? Он следует за положением ткани. Значит, дело все-таки в рисунке.

Хальвар склонился над столом, не приближаясь ко мне.

— Что не так с краем?

— Пока не знаю. Возможно, здесь нарушена последовательность знаков. Или мы слишком рано закончили серебряный ряд.

Я сняла ткань с рамки и поднесла ее к лампе. Рисунок состоял из нескольких повторяющихся фигур, соединенных между собой тонкой нитью. В середине полотна они образовывали замкнутые участки, однако на краях мне пришлось оборвать часть переплетения, чтобы закрепить основную пряжу. Для обычной защитной ткани это не имело бы серьезного значения. Похоже, на божественную силу даже небольшое нарушение влияло гораздо сильнее.

В тот вечер я долго не отпускала Хальвара. Мы повторяли опыт, меняя положение образца и место соприкосновения с приемником. В конце концов мужчина предложил остановиться и продолжить утром.

— Завтра у вас дела в горах, — напомнила я.

— После обеда снова приду. Вы ведь никуда не собираетесь?

— Нет, но мне хотелось бы закончить…

В животе у меня предательски заурчало. Хальвар посмот-

рел на меня, затем на пустую тарелку, оставшуюся с утра возле весов.

— Когда вы ели в последний раз?

Я попыталась вспомнить и обнаружила, что после завтрака выпила только две чашки чая.

— Примерно тогда же, когда вы в последний раз видели удачный образец защитной ткани.

— Значит, давно.

Хальвар сдвинул к краю стола чистые пластины и отошел к дверям.

— Завтра продолжим. Сегодня у ваших нитей есть все основания отдохнуть от нас обоих.

В другой ситуации я, вероятно, возразила бы, но сил действительно оставалось мало. Оказавшись в своей комнате, я обнаружила, что Сигна принесла мне ужин и поставила его возле камина. Похлебка остыла. Пришлось спуститься на кухню, чтобы разогреть ее.

На кухне Сигна чистила яблоки для праздничного пирога: завтра у ее младшей дочери был день рождения. Она поставила на плиту кастрюлю с похлебкой и с укором посмотрела на меня.

— У вас на столе с утра лежит нетронутый хлеб.

— Вы тоже ведете наблюдения?

— Мне за это платят.

Пока разогревался ужин, я спросила, где обычно ест Хальвар. Оказалось, у себя. Когда-то во дворце жило много лю-

дей, однако теперь Сигна пользовалась большой столовой лишь во время редких встреч. Сама она старалась возвращаться домой до темноты: там ее ждали муж и внучка.

Я помогла ей с яблоками и послушала рассказ о внучке, недавно научившейся читать. Когда вернулась к себе, подумала, что завтра у Сигны будет семейный праздник, а Хальвар опять поужинает среди карт и книг. У человека, в чьем доме хватило бы места для десятков гостей, почти не было поводов накрыть стол на двоих.

До сих пор мне не случалось жить в доме, где один человек нуждался в столь малой части принадлежавшего ему пространства.

Наутро из Вейрхольма доставили письмо Неры. Она сообщала, что Ларсен вернулся, пытался уговорить ее принять заказ с небольшой предоплатой, но после долгих переговоров все же внес половину суммы. Внизу стояла аккуратная подпись, а на обороте ученица нарисовала схему нового рисунка для одеяла и просила проверить, верно ли рассчитала количество серебра.

Я написала ей ответ и осталась довольна тем, что мастерская постепенно училась существовать без моего постоянного надзора. Берну тоже отправила короткую записку. Про неудачные испытания не упоминала, зато рассказала об отремонтированном станке и сообщила, что могу совершенно безопасно пользоваться вещами Хальвара. Брат наверняка придумает еще десяток причин для беспокойства, но хотя бы

одну мне удалось устранить.

После обеда мы с Хальваром испытали образец с исправленным краем. Я соединила оборванные участки серебряной нити, замкнув рисунок по периметру полосы. Показания прибора заметно улучшились. При легком нажатии на ткань приемный слой оставался чистым, однако стоило растянуть полотно, как одна из белых полос появлялась снова. Рисунок нарушался при деформации, и для одежды, в которой человеку предстояло работать, это было совершенно неприемлемо.

— А если оставить серебряным нитям больше свободы? — спросил Хальвар, рассматривая схему, которую я начертила на бумаге.

— Примерно так я и собиралась поступить. Только серебро плохо выдерживает многократные перегибы. Попробую скрутить его с льняной нитью и немного изменить переплетение.

— Когда узнаем результат?

— Послезавтра. Сегодня нужно переделать расчет, а завтра сплести новые образцы.

Он помог мне убрать тяжелые рамки. Я уже собиралась проводить его, когда вспомнила вчерашний разговор с Сигной.

— Вы не хотите сегодня поужинать вместе?

Хальвар оставил рамку на полке и повернулся ко мне.

— Здесь?

— Лучше на кухне. Там хороший стол, и нам не придется располагаться в разных концах зала. Сигна оставила еду, но я обещала испечь хлеб.

— Вы умеете печь хлеб?

— Разочарую вас: умею только один сорт. Зато уже много лет.

Он немного подумал.

— С удовольствием. Во сколько?

Мы договорились встретиться после шести. Я вернулась к расчетам и довольно скоро обнаружила, что вместо расстояния между серебряными стежками подсчитываю, успеет ли тесто подняться до ужина.

Кухня к назначенному часу прогрелась, на столе под полотенцем остывали две небольшие ржаные лепешки, а в чугунке еще томилось приготовленное Сигной мясо с кореньями. Хальвар пришел с бутылкой ягодного вина и долго искал подходящие чашки, пока я не показала ему обычные глиняные кружки на полке.

— Эти подойдут.

— В столовой есть другая посуда.

— Не сомневаюсь. Но мы же не принимаем послов.

Он поставил кружки на стол и с моего разрешения принялся нарезать хлеб. Вскоре выяснилось, что Хальвар гораздо лучше меня обращается с ножом. Ломти получились ровными, почти одинаковыми по толщине, хотя лепешки, признаюсь, вышли довольно твердыми.

— Можете не жалеть мои чувства, — сказала я, наблюдая за его усилиями. — В мастерской у меня обычно получается лучше.

— Я когда-то пробовал печь хлеб на походном костре. Нам пришлось разрубить его топором. В сравнении с тем ужином ваш заслуживает отдельной благодарности.

— Неужели боги носят с собой топоры?

— Тогда я носил с собой гораздо более странные вещи. Например, запасные подошвы для сапог.

Он не стал пояснять, когда именно произошло дело, а я вспомнила о его старой травме и оставила расспросы на другой раз.

Поначалу разговор шел с некоторым трудом. Мы сидели за широким столом друг напротив друга, следили, чтобы случайно не потянуться за одним и тем же блюдом, и время от времени возвращались к обсуждению серебра. Но стоило Хальвару спросить, отчего я решила открыть большую мастерскую именно в здании на улице Медников, как неловкость исчезла. Я рассказала про высокие окна, двор, где можно промывать волокно, и владельца, который уже дважды поднимал цену, едва узнав о моем интересе к покупке.

— Здание с круглой аркой над воротами? — уточнил Хальвар.

— Да. Вы его знаете?

— Там когда-то торговали кожей. Во дворе был колодец, а на втором этаже жила семья владельца. Их сын оставлял на

дороге деревянную лошадку, из-за которой я однажды чуть не потерял настоящую.

— Сколько лет назад?

Он прикинул.

— Около ста восьмидесяти.

Я положила ложку. Оказывается, мой будущий рабочий двор имел историю, о которой даже нынешний хозяин едва ли мог рассказать.

— А колодец? — спросила я. — Он еще существует? Я видела во дворе несколько каменных плит, но не поняла, что под ними.

— Полагаю, засыпан. Если будете восстанавливать здание, проверьте. Вода для ткачества вам пригодится.

Мне нравилось, как легко Хальвар переходил от давних воспоминаний к вполне современным заботам. Из него получился бы превосходный собеседник для городских краеведов, хотя они, вероятно, быстро довели бы его до отчаяния просьбами вспомнить цвет каждого дома, стоявшего в Вейрхольме три века назад.

Мы проговорили до тех пор, пока в печи не прогорели поленья. Хальвар рассказал, что прежде в городе особенно ценили яблоки из садов возле южных ворот, а я объяснила, почему на их месте теперь стоят склады и отчего местные торговцы по весне дерут втридорога за привозные фрукты. Потом мы поспорили о том, следует ли добавлять в ягодное вино мед. Он предпочитал терпкий вкус, мне же хотелось

сладкого, и пришлось каждому готовить напиток в собственной кружке.

Когда я поднялась, чтобы вымыть посуду, Хальвар взял со стола свою тарелку.

— Оставьте, — предложила я. — Я сама.

— В таком случае завтра ужинаем у меня. И посуду тоже буду мыть я.

Предложение было сделано совершенно деловым тоном. Я согласилась, отодвинула миску к свободному краю стола и занялась чугунком. Хальвар помыл свою тарелку, дождался, пока я закончу, и вытер оставшуюся посуду. Мы вполне сносно управлялись вдвоем, хотя пару раз пришлось уступить друг другу место возле раковины.

Позднее, поднимаясь в жилое крыло, я вспомнила, что за весь ужин ни разу не открыла журнал испытаний. Более того, ни один из нас не заговорил о предстоящих работах в долине, о королевском договоре или о том, сколько недель осталось до его окончания.

На завтра в журнале уже стояла пометка: новые расчеты, две катушки льняной пряжи, испытание свободного переплетения. Я добавила к списку еще одну строчку, чтобы в очередной раз не забыть поесть. Ужин в шесть. На этот раз мне хотелось закончить работу вовремя.

Глава 3. Рука в перчатке

У новой катушки льна оказался скверный характер. К середине утра я отложила рвущуюся нить и отправилась за другой. Возле кладовой встретила Сигну, которая вернулась из поселения с зимними яблоками и обнаружила пропажу бутылки хорошего ягодного вина.

— Мы выпили ее вчера за ужином, — призналась я.

— Вместе с господином Хальваром? Ну и ладно. Я берегла для Рагны, а она все равно вино почти не пьет.

Сигна вручила мне яблоко и помогла разобрать моток пригодного льна. В мастерской я вернулась к главной трудности: при натяжении полотна серебро смещалось относительно основной нити, а по краям защитный рисунок расходился. Хальвару требовалось сгибать пальцы и локти, садиться на лошадь и переносить тяжелые вещи. Защита, которая выдерживала лишь неподвижное соприкосновение, не имела смысла.

До обеда я изготовила несколько полос, изменив расположение серебряной нити: ее изгибы распрямлялись при натяжении, не разрушая рисунка. Оставалось проверить, будет ли он устойчив у краев.

Хальвар появился, когда я закончила работу над третьим вариантом. На нем был вчерашний жилет, только на воротнике остались крошечные следы растаявшего снега. Он при-

нес с собой узкий деревянный ящик.

— Нашел в хозяйственном крыле. Возможно, пригодится.

Внутри лежали маленькие грузики разного веса, несколько деревянных зажимов и сложенная вдвое полоска кожи с нанесенными на нее делениями.

— Откуда у вас это?

— В прежние времена я собирался разобраться в устройстве одного водяного колеса. Грузики остались от тех занятий. С ними будет проще определить, насколько сильно вы растягиваете образцы.

Я выложила содержимое ящика на стол и с удовольствием обнаружила, что зажимы подходят к моим испытательным рамкам.

— Пригодится все. Спасибо. Вы не возражаете, если оставлю их здесь до окончания работы?

— Для того и принес.

Испытания мы начали с самой плотной полосы. Хальвар прижимал ладонь к полотну, закрепленному над приемной пластиной, а я по очереди добавляла грузы к зажимам. Первый результат оказался многообещающим: прибор оставался чистым даже тогда, когда ткань заметно вытянулась. Но стоило немного сместить место нажатия к краю, как на приемнике проступила белая точка. Я отметила ее расположение в журнале, сняла полосу с рамки и обнаружила, что край слегка загнулся. Изгиб раздвинул две серебряные петли.

Второй образец оказался хуже. Третий выдержал все пять

положенных испытаний, включая натяжение в разных направлениях. Я сменила приемник, попросила Хальвара повторить опыт и на этот раз положить руку так, чтобы давление приходилось на самое слабое место возле края. На пластине ничего не появилось.

— Уберите руку, пожалуйста.

Я осмотрела приемный слой, перенесла полосу на другую рамку и повторила все сначала. Затем проверила сам прибор без защитной ткани. Белая черта немедленно возникла под ладонью Хальвара.

— Исправен, — заметил он.

— Вижу.

Мне хотелось немедленно взяться за следующие образцы, но я заставила себя аккуратно записать результаты. В первый день работы я сочла бы подобное достижение почти невероятным, теперь же хорошо понимала, как далеко еще до готового изделия.

— Сегодня вы свободны, — объявила я, закончив последнюю строчку. — Завтра мне понадобится больше времени. И старые перчатки, если сможете их отыскать.

— В гардеробной целая коробка.

— Желательно такие, которые вам подходят. Мне нужно посмотреть, как располагаются швы на пальцах.

Хальвар собрался уходить, но возле двери обернулся.

— Ужин по-прежнему в шесть?

Я едва не ответила, что буду занята. Оставалось изго-

товить еще два образца и провести часть расчетов, однако вчерашнее приглашение я приняла сама, и в конце концов несколько часов отдыха еще никому не помешали закончить работу.

— Если вы не передумали.

— У меня уже все приготовлено.

Он ушел, и только потом я сообразила, что впервые за несколько дней мне придется прийти к накрытому столу, не имея никакого отношения к приготовлению еды. Привычка заботиться о себе самостоятельно порой доходила у меня до смешного. Даже дома у брата я непременно находила занятие на кухне, хотя его жена много раз просила меня спокойно посидеть с чашкой чая.

К назначенному часу я вымыла руки, переоделась и поднялась в малую гостиную. Карты оттуда исчезли. На одном конце стола стояло блюдо с запеченной птицей, рядом — картофель с маслом и травами, хлеб, сыр и небольшая миска кислого варенья. Хальвар переставлял тарелки, когда я вошла.

— Сигна приложила к этому руку? — спросила я.

— К картофелю и птице. Я отвечал за хлеб, сыр и то, чтобы ничего не остыло. После вчерашнего разговора решил не подвергать вас испытанию собственной выпечкой.

Мне досталось кресло возле камина, где не тянуло от окна. Мы поужинали, и Хальвар, как обещал, не позволил мне заняться посудой. Взамен попросил помочь разобрать надписи

на нескольких мешочках с чаем. Оказалось, Сигна держала здесь целый запас, но большинство этикеток уже выцвело, а сам Хальвар различал травы преимущественно по запаху.

— Это мелисса, — сказала я, заглянув в первый мешочек. — А здесь, судя по всему, сушеные листья смородины. Сами собирали?

— В саду. Сигна сушила.

— Вы выращиваете смородину в горах?

— Под южной стеной. Летом там довольно тепло. Хотите посмотреть?

До сих пор мне попадались лишь окна, выходившие в сторону сада. Одна часть его находилась под стеклянной крышей, другая была отделена от двора невысокой каменной оградой. Я охотно согласилась. Мы взяли фонари и спустились по боковой лестнице.

В крытой части сада пахло влажной землей. Из больших деревянных кадок торчали стебли розмарина и незнакомых мне трав, на полках возле окон стояли горшки с молодыми растениями. Среди них обнаружилось небольшое деревце с жесткими блестящими листьями.

— Лавр, — сказал Хальвар. — Привезли с юга. Уже третий год пытаюсь заставить его расти.

Я наклонилась над горшком.

— У моей матери был такой. Правда, он прожил всего две зимы. Она все время ставила его возле печи, боялась, что замерзнет.

— Этот, полагаю, переживет третью. Если Сигна перестанет считать всякую желтизну признаком недостаточного полива.

Он взял с полки небольшой нож и срезал сухую веточку. Делал он это уверенно, не повреждая соседние листья. Мне вспомнились аккуратно расставленные инструменты в его гостиной, старые карты, записи о горных реках. Время, которое он мог бы потратить на что угодно, Хальвар посвящал множеству небольших, вполне обыкновенных занятий. Мне нравилось это узнавать.

На выходе из сада он спросил, бывают ли в Вейрхольме хорошие саженцы плодовых деревьев. Я рассказала о женщине, торговавшей ими возле южных ворот, и пообещала дать ее адрес. Позднее, вернувшись к себе, обнаружила, что не успела спросить его о перчатках. Впрочем, до утра этот вопрос вполне мог подождать.

* * *

За следующие четыре дня я изготовила девять образцов и испортила почти четверть катушки серебра. Удачные полосы сшила, изменив рисунок вдоль краев. Хальвар приходил в назначенное время, а если задерживался в горах, присылал короткие записки. Однажды он предупредил, что привезет лекаря.

Освальд, невысокий мужчина лет пятидесяти с красным

носом и привычкой смотреть поверх очков, поначалу сомневался, чем сумеет помочь ткачу. Я показала ему записи и состав приемного слоя. Он проверил знаки, наблюдал за испытанием обычного материала и защищенного образца.

— Приемник изготовлен правильно, — заключил он. — По известным нам описаниям воздействие соответствует тому, от чего вы пытаетесь защититься. Но если след очень слабый, придется оставлять ладонь на образце дольше и смотреть при хорошем освещении.

Он предложил проверить швы диагностической пряжей. При прорыве магии на ее специальном покрытии оставался след. Такая нить не усиливала защиту, зато показывала, где произошло повреждение. Испытание подтвердило, что она реагирует на ту же силу, что и пластина.

— Значит, можно проложить ее вдоль швов перчаток, — сказала я.

— Можно. Только не считайте чистый приемник обещанием вечной надежности. Хорошую повязку тоже можно разорвать о гвоздь.

Освальд оставил мне несколько замечаний, забрал использованные приемники для коллег и пообещал не раскрывать способ изготовления ткани без моего согласия. После его ухода Хальвар некоторое время рассматривал сшитые образцы.

— Теперь вы уверены в результате?

— В том, что эти небольшие полосы защищают при из-

вестных нам условиях. Перчаток пока нет.

— Понимаю. Просто хотел спросить, когда вам понадобится моя рука.

— Завтра, скорее всего. Я начну с левой.

— Почему именно с нее?

— Если придется что-то распороть прямо во время примерки, правой сможете придерживать край.

Он согласился. Перед уходом положил на край стола сложенный лист бумаги.

— На всякий случай. Сигна нашла старый заказ на перчатки. Здесь указаны размеры.

Размеры оказались записаны в давно вышедших из употребления мерах. Половину вечера я потратила на поиски соответствий в старом справочнике и в конце концов пришла к выводу, что собственные измерения, сделанные во время первой примерки, значительно надежнее. Зато теперь я знала, как называлась мера длины, которой пользовались северные перчаточники два с половиной столетия назад. Возможно, когда-нибудь и это знание пригодится.

Сложнее всего было изготовить тонкие детали между пальцами. Я распорола старую перчатку Хальвара, переснятала выкройку и увеличила припуски, чтобы серебряные петли можно было соединить без чрезмерного натяжения. В обычной одежде такие изменения почти не влияли на удобство, но здесь каждый лишний стежок мог помешать владельцу свободно согнуть палец.

Пришлось переделывать мизинец, затем большой палец. Несколько раз я обнаруживала, что рисунок на вывернутой детали расходится с тем, который рассчитала на бумаге. Ночью, уже в постели, поймала себя на том, что мысленно просчитываю соединения вместо того, чтобы спать. Утром пришла в мастерскую до завтрака и обнаружила возле двери поднос с хлебом, сыром и кружкой еще теплого чая.

Рядом лежала записка Сигны: «Госпожа Торн, в этом доме запрещено падать в обморок от голода. Если понадобится обед, пришлите за ним до того, как остынет печь».

Я съела все, до последней крошки, и к полудню закончила первую перчатку.

На первый взгляд перчатка мало отличалась от тех, которые продавали на городском рынке. Разве что серебро придавало ткани особенный блеск, а манжета получилась длиннее обычной. На изнанке виднелись зеленые контрольные нити. Я проверила каждое соединение, обрезала торчащий возле большого пальца конец льняной пряжи и положила готовое изделие на белое полотно.

Хальвар явился с опозданием. Ему пришлось задержаться возле горной дороги, где за ночь намело снегу выше человеческого роста. От него пахло дымом; на нижней пуговице куртки висела щепка.

— У дорожных рабочих печь задымила, — объяснил он, заметив мой взгляд. — Пришлось заняться трубой. Что у нас сегодня?

Я показала ему перчатку. Он поднял ее за край манжеты, осмотрел снаружи и изнутри, после чего осторожно натянул на левую руку.

— Тесно?

— Нет. Здесь немного тянет.

Он согнул указательный палец. Я попросила его положить руку на стол и, не касаясь кожи, отметила мелом участок, где следовало изменить шов. Перчатку пришлось снять. Пока я возилась с иглой, Хальвар устроился возле окна и принялся чинить оторвавшуюся петлю на собственной куртке. Проделывал он это с таким сосредоточенным видом, что я предложила ему наперсток.

— У меня палец тверже вашей иглы, — заметил он.

— Зато ткань мягче. Вы сейчас проткнете ее в ненужном месте.

Он посмотрел на куртку и убрал иглу. Через некоторое время, когда я закончила исправлять шов, положил передо мной пуговицу.

— Возьметесь еще за один заказ?

— Только не говорите Рагне. Она решит, что за свои деньги могла бы получить и новые занавески.

Перчатка села лучше. Я разложила на столе восемь приемных пластин, в том числе две с особенно чувствительным покрытием, и мы приступили к испытаниям. Хальвар сжимал в ладони деревянный цилиндр, обернутый контрольными нитями, опирался на пластины кончиками пальцев и ка-

сался их боковыми сторонами ладони. Мне хотелось проверить самые обычные движения, которые человек совершает не задумываясь. В конце концов он провел ладонью по краю стола, под которым я закрепила последний приемник, и удерживал ее там, пока песок в небольших часах не пересыпался из верхней колбы в нижнюю.

Ни одна пластина не изменила цвета. Чистыми остались и нити.

Я занесла результаты в журнал, подозвала Хальвара к окну и показала ему приемники при дневном свете. После всех затраченных усилий трудно было удержаться от торжествующей улыбки.

— Посмотрите сами. Ни единой полосы.

Он взял одну пластину правой рукой за нерабочий край. Повернул ее, поднес к свету, затем положил обратно на стол.

— Значит, все получилось?

— Пока с одной перчаткой. Но да, она защищает.

Мне хотелось услышать от него хоть что-нибудь еще. Я уже представляла, сколько возможностей появится, если нам удастся изготовить весь комплект одежды. Хальвар, однако, стоял возле окна, медленно сгибая пальцы левой руки, и не выглядел особенно обрадованным.

— Вы сомневаетесь в приборах? — спросила я.

— Нет. Думаю, как ими лучше воспользоваться дальше.

Я знала, что он имеет в виду. Разработку одежды мы могли продолжить без участия человека в непосредственных

испытаниях. Приборы давали достаточно убедительные результаты, а испытывать перчатку на ком-либо просто ради дополнительной проверки не было необходимости. И все-таки предназначалась она не для медных пластин.

Я еще раз осмотрела манжету и попросила Хальвара сесть. Поставила перед ним второй стул, сама устроилась на нем так, чтобы между нашими коленями оставалось достаточно места. Его правая рука лежала на дальнем краю стола.

— Хотите попробовать? — предложила я.

— Что именно?

В ответ я положила собственную руку на свободный участок столешницы ладонью вверх.

Хальвар не двинулся. Некоторое время он смотрел на мои пальцы, затем перевел взгляд на лицо.

— Ильва, в этом нет необходимости.

Он впервые назвал меня по имени. Я заметила это, хотя в тот момент гораздо больше занималась тем, чтобы моя собственная рука не дрожала.

— Для проверки перчатки — нет. Она уже проверена. Но вы могли бы пожать мне руку, если хотите. Только левой, разумеется.

— А если я не хочу?

— Тогда снимите ее и отдайте мне. Я займусь второй.

Сказать это оказалось полезно и для меня самой. Я не обещала ничего, чего не могла выполнить, и не собиралась требовать от Хальвара прикосновения только потому, что по-

тратила несколько дней на изготовление перчатки. Однако когда он пододвинул стул, я обнаружила, что мне все-таки очень хочется, чтобы он согласился.

— Не торопитесь, — добавила я. — Манжета закрыта, швы целы. Вот контрольная полоска. Если она изменит цвет, мы сразу разъединим руки.

Хальвар проследил за тем, куда я указала. Поднял левую руку, не приближая ее ко мне, и спросил:

— Вы действительно в этом уверены?

— Достаточно уверена, чтобы предложить свою руку, а не чью-нибудь чужую.

Он ничего не ответил. Я спокойно ждала, рассматривая собственные пальцы. Возле ногтя на указательном оставался крохотный след от иглы, на среднем была мозоль. Не особенно красивая рука, зато привычная к работе и весьма полезная в хозяйстве. Мне никогда не приходило в голову, что вид этой руки может поставить взрослого мужчину в такое затруднительное положение.

Наконец Хальвар положил пальцы поперек моей ладони. Тонкая ткань была немного шероховатой. Я чувствовала вес его руки и твердые подушечки пальцев, скрытые под льном. Несколько мгновений мы сидели совершенно неподвижно. Я посмотрела на контрольную полоску. Она оставалась зеленой.

— Все в порядке, — сказала я.

Хальвар хотел отнять руку, но остановился, когда я согну-

ла пальцы, осторожно обхватив его ладонь. Он ответил таким же движением. Это было странное рукопожатие: в нем не было привычной деловитости, ни один из нас не собирался немедленно вставать и прощаться.

— Сильнее можно, — подсказала я. — Не сломаюсь.

Он негромко усмехнулся и чуть крепче сжал мою руку. Я сжала его в ответ. На этот раз проверять полоску мне не хотелось, хотя я все же заставила себя взглянуть на нее. Ничего не изменилось. По-прежнему зеленая.

Хальвар провел большим пальцем по моему указательному. Под тканью едва слышно зашуршали льняные волокна. Мне вдруг захотелось узнать, какая у него кожа, теплая ли она, шершавая ли от работы с деревом. Я уже знала, как выглядят его руки, сколько места занимает одна ладонь на моей измерительной бумаге, где находится старый шрам. Однако прикоснуться к ней без этой тонкой преграды не могла.

Я позволила нам еще немного посидеть так, затем первая раскрыла пальцы.

— Ну что же. Поздравляю с приобретением, господин Хальвар.

— Благодарю.

Он долго смотрел на свою руку. Потом положил ее на колено, словно не знал, куда еще ее деть.

— Когда-то в Вейрхольме, — сказал он, — мне приходилось пожимать по нескольку десятков рук за один день. Особенно во время осенней ярмарки. До вечера невозможно бы-

ло пройти с одного конца площади на другой.

— На нынешней ярмарке вас замучили бы еще и торговцы. Они теперь полагают, что человек, остановившийся поздороваться, уже согласился купить половину их товара.

Хальвар улыбнулся, но отвечать не стал. Я убрала пластины в коробку и придвинула к нему журнал, где он должен был подтвердить участие в испытаниях. Хальвар вывел свое имя правой рукой, а перчатку с левой так и не снял.

— Перчатку придется вернуть, — напомнила я.

Он обернулся.

— Совсем?

— До завтра. Мне нужно посмотреть, не изменилось ли положение нитей после использования.

Хальвар снял ее и положил на стол. От дверей, где он уже стоял, донеслось:

— Если будете пришивать пуговицу к моей куртке, Ильва, не забудьте включить ее в счет.

Я нашла пуговицу возле ножниц и впервые за весь день рассмеялась от души.

* * *

Вторую перчатку я закончила через три дня. Нера письмом сообщила, что добилась от Ларсена предоплаты, а брат уже трижды заходил узнать, нет ли вестей от меня. Я попросила ее заказать еще пряжи, Берна заверила, что со мной все

благополучно. О нашем первом прикосновении писать ему пока не хотелось.

Рагне я отправила отчет. Теперь могла получить вторую часть вознаграждения; мечта о новой мастерской становилась вполне осуществимой.

Хальвар в тот день принес деревянную шкатулку. Из-под крышки выступал кусочек пожелтевшей бумаги, а на углах сохранились остатки синей краски.

— Сигна разбирала старый шкаф, — объяснил он. — Мы нашли это вместе с несколькими незаконченными вышивками. Возможно, вам пригодится.

В шкатулке лежали мотки серебряной нити. Я достала один, осторожно распустила край и поднесла к свету. Серебро оказалось значительно тоньше того, с которым я обычно работала. Каждая нить была скручена из двух еще более тонких волокон.

— Вы знаете, откуда это?

— Вероятно, изготовлено в мастерской при дворце. Она существовала до того, как основная часть ремесленников перебралась в город. Сколько именно лет этой пряже, сказать не возьмусь.

— Из нее можно сделать очень хорошую подкладку. Даже жаль расходовать на испытания.

Я разложила мотки на столе. На дне шкатулки обнаружился узкий деревянный челнок с обломанным концом.

— Вот это я бы с удовольствием сохранила. Сейчас такие

почти не делают. Только кончик нужно восстановить.

Хальвар рассмотрел челнок, провел ногтем вдоль трещины.

— Оставьте мне до завтра.

— Сигна позовет плотника?

— Полагаю, обойдемся без него.

На следующий вечер я обнаружила Хальвара в небольшой хозяйственной комнате, о существовании которой прежде не подозревала. Здесь стоял верстак, возле стен висели пилы, резцы и разнообразные приспособления для обработки дерева. На полу валялась свежая стружка. Хальвар сидел на табурете, держа в руках новый челнок.

— Старый пришлось оставить в покое, — сказал он. — Дерево слишком пересохло. Я сделал другой по его образцу. Посмотрите, не нужно ли уменьшить отверстие.

Я взяла челнок и попробовала провести его между пальцами так, как делала при работе на небольшом станке. Поверхность была гладкой, концы тщательно закруглены, а отверстие немного шире, чем у старого образца.

— Уменьшать не нужно. Вы знаете толк в таких вещах.

— У моего отца был верстак примерно такого размера. Правда, он терпеть не мог, когда я занимал его своими поделками.

— Вы сами всему научились?

— Кое-чему научил он. Остальное пришлось осваивать позднее. У меня было достаточно свободного времени.

Я присела на свободный табурет. На полке возле окна стояли деревянная миска, незаконченная ложка и несколько маленьких фигурок животных. Одна изображала толстого коротконогого коня.

— А это кто?

— Сигна заказала для внука. По ее мнению, у лошади слишком маленькая голова.

— По моему тоже. Зато ноги какие надежные!

— Вот видите. Если упадет на пол, не сломается.

Я взяла фигурку, рассматривая вырезанные на гриве бороздки, и обнаружила на нижней стороне основания маленькое клеймо: три косые черты. На новом челноке имелось точно такое же.

— Ваша подпись?

— Так отец помечал вещи, которые делал для дома. У нас их часто одалживали соседи, и они не всегда возвращались.

— Хорошая привычка. Мне бы тоже стоило помечать ножницы.

Мы разговорились. Я объяснила, отчего некоторые породы дерева плохо подходят для ткацких инструментов, а Хальвар показал доску, которую несколько лет выдерживал в сухой кладовой именно ради небольших изделий. Он предложил изготовить для меня еще пару челноков. Я согласилась при условии, что взамен смогу сделать ему новые чехлы для резцов: старые были сшиты из такой грубой кожи, что доставать из них инструменты приходилось с большим уси-

лием.

Вечером, уже после ужина, я заглянула к нему еще раз. Работа над костюмом была расписана на несколько дней вперед, и спрашивать о сроках или результатах испытаний мне не требовалось. Я просто принесла ему свежий хлеб, который Сигна достала из печи, и осталась выпить чаю.

За следующие несколько дней я привыкла к тому, что после полудня он приходил в мастерскую, а по вечерам мы часто встречались у одного из каминов. Иногда каждый занимался своим делом. Я штопала платье или переписывала расчеты, Хальвар читал, изредка зачитывая вслух особенно примечательные строки. Мы могли долго молчать, не испытывая необходимости поддерживать разговор.

Однажды я закончила работу раньше обычного и отправилась к нему, даже не взяв с собой рукоделия. На лестнице встретила Сигну с корзиной чистого белья.

— Господин Хальвар в библиотеке, — сообщила она, хотя я еще ни о чем не спросила. — Ужин через час. Если вы собираетесь есть вместе, скажите ему, чтобы спустился вовремя.

— Хорошо.

Она передала мне стоявший на подоконнике фонарь и пошла дальше. Я поднялась на второй этаж, свернула в галерею и только возле библиотечной двери сообразила, что не придумала ни одного повода для визита.

Хальвар сидел у окна. Услышав шаги, закрыл книгу и по-

смотрел на меня.

— Что-нибудь случилось?

— Нет. Хотела узнать, не составите ли мне компанию до ужина.

Он придвинул ногой второе кресло к камину.

— Я как раз собирался делать перерыв.

Я устроилась напротив него, поставила фонарь на пол и вытянула уставшие ноги к огню. На этот раз мне не пришлось ждать назначенного часа, чтобы увидеть его, и не понадобилось просить о помощи. Я просто пришла туда, где мне хотелось провести вечер.

Глава 4. Человек до зимы

В четверг привезли серебро из Вейрхольма. Под мотками пряжи обнаружились шерстяные чулки, варенье и записка от жены Берна. Она просила не сердиться на брата, вскакивавшего из-за стола при звуке почтовой повозки, и придумать теплую накидку для младшей дочери. С таким заказом справилась бы Нера.

— Не знаете, когда почта отправится обратно? — спросила я Сигну.

— Послезавтра. Завтра Вечер длинных огней, после обеда никто никуда не поедет, даже за золотой с версты.

Я совсем забыла о празднике. Дома мы с Нерой к этому времени уже начищали фонари, а вечером отправлялись к Берну. Его жена пекла медовые пироги, дети перебегали от окна к окну, высматривая огни соседей.

— А во дворце отмечают?

— Я ставлю два фонаря у входа и иду домой. Господин Хальвар в поселение не спускается.

— А на верхних этажах огни не зажигают?

— Хотите — зажигайте. Только окон у нас больше, чем свободных рук.

Я решила до праздника закончить раскрой куртки. Нужно было соединить длинные участки защитного рисунка так, чтобы при движении края не расходились. Развесив выкрой-

ки над столом, я отправилась в хозяйственную комнату за деревянной линейкой Хальвара: моей для широкого полотна не хватало.

Дверь комнаты была открыта. На верстаке лежали стружки и два новых челнока, которые Хальвар обещал сделать для меня. Один уже был отполирован, у второго еще оставались неровные края. Я не стала их трогать и огляделась в поисках линейки. Она нашлась на нижней полке рядом с узкой деревянной дощечкой, рассеченной глубокими зарубками.

Дощечка напоминала детскую игрушку или обломок какого-нибудь инструмента. От долгого употребления дерево потемнело, один конец был закруглен, а возле другого имелось отверстие, в которое когда-то продевали ремешок. Я осторожно повернула находку. На обороте обнаружилось знакомое клеймо из трех косых черточек. Тут за спиной раздались шаги.

— Потеряли что-нибудь?

Я обернулась. Хальвар стоял на пороге с охапкой сухих дощечек. Он снял с плеча насыпавшиеся из-под шапки снежинки и положил принесенное дерево на свободный край верстака.

— Искала линейку. А это что такое?

Он взглянул на предмет в моей руке.

— Моя первая мерка для снега.

— Первая?

— Я сделал ее лет в пятнадцать. Тогда мне казалось, что

для наблюдений достаточно знать, сколько снега выпало за ночь. Отец пытался объяснить, что ветер способен согнать снег со всего склона в одну ложбину и измерения там будут совершенно бесполезными. Я, конечно, считал себя умнее.

Я посмотрела на дощечку уже с иным интересом. В детстве мне тоже случалось мастерить инструменты из подручных материалов. Когда мать впервые позволила мне самой намотать пряжу на катушку, я придумала приспособление из двух кухонных ложек и шпагата, которым очень гордилась. Через полчаса оно развалилось, оставив на полу клубок запутанных нитей.

— Значит, у вас сохранилась вещь, сделанная в детстве?

— Немногое сохранилось. Эту привезли сюда из старого дома вместе с другими вещами. Дерево хорошее, я и сейчас иногда использую ее как мерку для мелких работ.

— Удивительно, что она не рассыпалась.

— Прежде была длиннее. Конец пришлось отпилить. Я время от времени пропитываю ее маслом.

Он протянул руку, и я положила дощечку на верстак. Хальвар подобрал ее и смахнул с зарубок пыль. В разговоре о возрасте старой вещи мне впервые не захотелось немедленно прикидывать количество минувших столетий. Гораздо любопытнее было представить долговязого пятнадцатилетнего парня, которому не терпелось доказать отцу свою правоту.

— Вы выросли здесь, в горах?

— В поселении за восточным перевалом. Теперь там ни-

чего нет, кроме остатков нескольких фундаментов. Дорогу перенесли ниже, люди со временем перебрались ближе к долине.

— Ваш отец тоже занимался наблюдениями за погодой?

— Водил караваны. Тогда по этим перевалам возили соль, железо и меха. Без проводника не обошлось бы даже летом. Зимой же один неудачный поворот мог оставить от каравана только несколько потерянных в снегу поклаж.

Я присела на табурет, чтобы не мешать ему разбирать принесенное дерево.

— Он вас с собой брал?

— С двенадцати лет. Мать долго не разрешала, а потом поставила условие, что я буду ездить лишь на короткие маршруты. Отец соблюдал его месяца три. Когда она узнала, где мы побывали, ему пришлось несколько дней ночевать на кухне.

— Суровое наказание.

— Там была удобная скамья, зато утром он раньше всех чистил печь. Подозреваю, что в конце концов мать простила нас именно поэтому.

Хальвар улыбнулся, и я неожиданно увидела в нем сходство с Берном. У брата тоже было несколько историй, связанных с детскими проделками, в которых он любил отводить себе роль пострадавшего от обстоятельств, хотя при более внимательном рассмотрении обстоятельства зачастую оказывались его собственным изобретением.

— Как звали ваших родителей? — спросила я.

— Отца Эйнар. Мать звали Лив.

Он произнес эти имена спокойно, без той торжественности, с какой люди обычно называли древних предков. Затем достал из ящика тряпицу и принялся вытирать верстак. Я вспомнила, что так и не закончила раскрой куртки, а линейка лежала у меня на коленях.

— Простите, задерживаю вас.

— У меня еще есть время. А вам не обязательно спрашивать о работе всякий раз, когда мы встречаемся.

Мне стало приятно, что он сам об этом сказал. Я уже собиралась продолжить расспросы, но из коридора донесся голос одного из дворцовых работников: привезенные с нижней дороги сведения требовали внимания Хальвара. Он отложил тряпицу и отправился к выходу.

— Вечером покажу вам кое-что, если будете свободны, — пообещал он.

— Буду. Только сначала придется закончить с вашими плечами.

— Что с ними не так?

— Сами по себе они прекрасны. Вот выкройка пока вызывает вопросы.

Хальвар рассмеялся, а я поспешила уйти, прежде чем он успел заметить, до какой степени меня смутил собственный ответ.

* * *

В библиотеке нашлось немало вещей, которые в городских книгохранилищах держали бы под замком. На полках стояли книги в деревянных переплетах, свитки, карты, небольшие ящики с письмами. Почти на каждом имелась бумажная бирка, причем надписи были сделаны одной рукой. Хальвар составлял опись сам и, судя по количеству исправлений в каталоге, занимался этим не одно столетие.

После ужина он освободил большой стол и принес от дальнего шкафа плоский футляр. Я помогла разложить его содержимое, придерживая углы бумаг деревянными грузиками. Среди карт оказалась одна, нарисованная на плотном полотне. Река на ней была обозначена синей краской, поселения — маленькими коричневыми домами, а горные тропы пересекали лист тонкими пунктирными линиями. Возле восточного перевала один из домиков отличался от остальных: крыша у него была красной.

— Здесь? — догадалась я.

— Да. Дом родителей стоял чуть ниже дороги. Мать держала несколько коз и ругалась, если мы с отцом привозили грязь на сапогах. Во дворе имелись большая ель и колодец, который почти каждую зиму приходилось откапывать.

Я представила домик с крышей под снегом. Вейрхольм за последние сто лет успел сильно измениться, а за семь столе-

тий от целого поселения могли остаться лишь камни. И все-таки для сидевшего передо мной мужчины красная отметка на карте означала совершенно определенное место.

— Вы говорили, что отец был проводником. Вы тоже стали им?

— Сначала помогал ему, затем стал водить людей самостоятельно. Позднее меня пригласили в северный дозор. Нужно было следить за состоянием дорог, предупреждать поселения об опасности, разыскивать тех, кто не вернулся вовремя. В молодости я считал такую службу вполне достаточным занятием до конца жизни.

— Что же случилось?

Хальвар снял с карты грузик и развернул другую, более подробную. По ее краям мелким почерком были отмечены глубина ущелий и расстояния между поселениями.

— В ту зиму выпало необычайно много снега. Мы закрыли два перевала, отменили караваны, но других серьезных мер не приняли. Зимы у нас всегда были снежными. Никто не ожидал, что в феврале начнутся сильные дожди. Снег стал тяжелым, со склонов пошли лавины. Одна из них перекрыла реку выше трех крупных поселений.

Он указал место на карте. Даже не обладая познаниями Берна, я смогла понять, какая опасность грозила жителям долины. В узкой части ущелья воде оставалось совсем немного места для движения.

— Получилась плотина?

— Из снега, камней и поваленных деревьев. Вода продолжала прибывать. Несколько дней мы пытались найти способ отвести ее, но подойти к завалу было трудно, а работать на нем — еще опаснее. Людей в поселениях было много. Не хватало лошадей, дороги частично размыло. Кроме того, некоторые старосты отказывались оставлять дома, пока не увидят угрозу своими глазами.

— И тогда вы отправились в святилище?

Хальвар удивленно взглянул на меня.

— Откуда знаете о святилище?

— В одной из записей, которые мне дала Рагна, упоминается Первый Лед. Правда, там не объясняется, что это такое.

— Прежде о нем знали проводники и несколько местных хранителей преданий. Мы пользовались частью пещеры как укрытием во время непогоды. Никто не пытался трогать то, что находилось в глубине. Там стояла глыба льда, которая не таяла даже в самые теплые годы, а на каменной стене сохранились слова древней клятвы. Нас в детстве учили не произносить их вслух.

Мне сразу захотелось спросить, почему в таком случае ребенка водили в подобное место, но я вспомнила собственное отношение к ремесленным запретам. Некоторые из них я соблюдала просто потому, что так делала мать, и лишь значительно позднее поняла, в чем именно заключалась опасность.

— Вы знали, что произойдет, если ее произнести?

— В общих чертах. Предание обещало тому, кто свяжет себя с Первым Льдом, власть над зимой. О бессмертии говорилось прямо. Тогда я представлял его несколько иначе, чем теперь.

— Вам не было страшно?

— Очень. Я не знал, сработает ли клятва. Не знал, смогу ли воспользоваться полученной силой. Но был уверен, что если мы ничего не предпримем, к следующему вечеру воды в ущелье станет значительно больше.

— Вы сами решили туда пойти?

— Да. Двое моих людей пытались меня отговорить, третий вызвался идти вместе со мной. Я отправил его вниз, предупредить старосту последнего поселения. Видимо, распоряжаться чужими судьбами я начал несколько раньше, чем следовало.

В его голосе прозвучала усмешка, однако рассказ не располагал к веселью. Хальвар снял с руки тонкую перчатку, которую носил с утра, и аккуратно сложил ее возле карты. Я следила за движениями его руки. Именно этими пальцами он когда-то, будучи обычным человеком, держал поводья, колол дрова, помогал другим подниматься на крутые склоны. Вряд ли мог представить, что простейшее из всех подобных действий однажды станет для него опасным.

— Что вы почувствовали, когда все произошло?

— Сначала ничего. Стоял, упершись ладонями в лед, и думал, что потратил последние часы на бессмысленную за-

тею. Потом услышал воду под камнями. Раньше она тоже там текла, но я не различал ее движения. Вдруг понял, где она замерзла, где протекает свободно, в каких местах снег может обрушиться. Когда вышел из пещеры, попробовал остановить небольшой поток, пересекавший тропу. Он замерз.

— И вы сразу отправились к реке?

— Пришлось немного потренироваться по дороге. Представьте, что вам дали ткацкий станок, в котором в несколько раз больше деталей, чем в знакомом вам устройстве, и требуют немедленно закончить полотно. Примерно так я тогда себя чувствовал.

Я могла представить. От одной мысли о том, как я в первый день попыталась бы работать на неизвестном станке, становилось не по себе, а ведь в его случае от результата зависели человеческие жизни.

— Мне удалось удержать часть завала, — продолжил Хальвар. — Воду мы выпустили постепенно, через более низкие участки. Людей из ближайшего поселения все равно пришлось вывезти, несколько домов разрушилось. Но никто из жителей долины тогда не погиб от прорыва.

— И после этого вас стали называть богом?

— Не сразу. Сначала пообещали, что на ярмарках до конца моей жизни мне не придется платить за еду. Это казалось куда более заманчивым вознаграждением.

Я засмеялась, а Хальвар отодвинул одну из карт. Под ней обнаружился лист, покрытый старинными знаками, и поло-

женный сверху более поздний перевод. Некоторые слова я разобрала без труда, другие оказались незнакомыми. В нижней части стояло его имя.

— Это клятва?

— Первая копия, сделанная моей рукой. В святилище надпись гораздо старше.

Я прочла текст. В нем говорилось о добровольном принятии силы, о праве управлять зимой и ответственности за последствия ее применения. Человек, принявший клятву, оставался связан с источником, пока сам не отказывался от полученного. Ни угроз вечного наказания, ни обещаний загробного счастья я не нашла. Формулировки были удивительно простыми, хотя некоторые из них требовали пояснений.

— Здесь нет ни слова об опасных прикосновениях, — заметила я.

— Нет. В первые годы я понятия не имел, что стал опасен для людей. Тогда в дозоре было принято носить плотную одежду, на улице мы почти всегда работали в рукавицах. Иногда случались короткие прикосновения. Кто-нибудь жаловался на внезапную дурноту, мы винили усталость, погоду, недостаток еды. С внешностью людей после одного краткого контакта ничего заметного обычно не происходило. А потом случилось то, после чего сомнений уже не осталось.

Хальвар поднялся, убрал одну из книг на полку и вернулся с небольшим кожаным переплетом. Он раскрыл его ближе к

середине, но мне не подал. На странице виднелись неровные строки, сделанные чернилами, которые давно выцвели.

— Его звали Асгер. Он работал в дозоре еще при моем отце, а потом мы вместе служили. Однажды в горах обрушилась часть тропы. Асгер оказался на склоне ниже нас, и я спустился за ним. Помню, как ухватил его за предплечье и держал, пока остальные спускали веревку. У меня рукавица потерялась при спуске, его рукав был разорван. Он жаловался, что ему трудно дышать. Я решил, что он ударился грудью, и продолжал держать.

Хальвар замолчал. Я посмотрела на его пальцы, лежавшие на раскрытой странице, и не решилась нарушить тишину.

— Когда его подняли на тропу, он едва держался на ногах. У него поседели волосы. Лицо изменилось настолько, что подошедший человек сначала не узнал, кого мы спасли. Асгер пережил ту ночь и еще несколько недель. Лекари пытались помочь ему, но тело оказалось слишком истощенным. Я много раз разговаривал с ним через дверь комнаты, потому что к тому времени уже боялся приблизиться.

— Он знал, из-за чего это случилось?

— Да. Мы оба знали. Он просил меня передать своим сыновьям несколько вещей, а еще позаботиться о зимних запасах для его жены. Тогда у него были двое маленьких детей. Я выполнил все, что он попросил, но это едва ли могло возместить им потерю отца.

Мне было тяжело слушать его. Прежде, читая старые ле-

карские свидетельства, я обращала внимание главным образом на обстоятельства контакта и характер воздействия. У одного из пострадавших изменился цвет волос, у другого появились признаки слабости. Сведения представлялись необходимой частью исследования, и я не задумывалась о том, что за каждой из коротких записей стояли близкие кому-то люди.

— Вы нашли способ узнать, насколько быстро действует сила? — спросила я, когда он закрыл книгу.

— Лекари сопоставили свидетельства нескольких человек. Самое короткое прикосновение отнимает примерно год. Продолжительность тяжелых случаев установить трудно, но, насколько мы поняли, новое воздействие повторяется с каждым полным ударом сердца того, кого я держу. У Асгера пульс был быстрым. Остальное можете себе представить.

Я вспомнила наши опыты с приемными пластинами. Они обнаруживали выход опасной энергии, но до сих пор мы следили лишь за ее наличием. Возможно, следовало приготовить контрольную нить, которая могла бы сохранять след отдельных импульсов. Для обычной проверки одежды хватало и прежних приборов, однако при работе с неизвестной силой лишние сведения никогда не мешали. Я решила обсудить эту мысль с Освальдом при следующей встрече.

— После того происшествия вы больше не прикасались к людям?

— Старался. Случались другие несчастья, особенно по-

ка мы не выяснили, что обычные рукавицы не защищают. В конце концов стало ясно, что надежнее всего держаться в стороне. Люди охотно соглашались. В этом трудно их упрекнуть.

— А ваши близкие? Родители?

— Отец умер за несколько лет до той зимы. Мать прожила еще долго. После случившегося с Асгером мы виделись нечасто: я боялся, что она забудет об опасности, когда расстроена или рада меня видеть. Она до конца жизни возмущалась моим отсутствием, а когда я приезжал, заставляла брать с собой еду на обратную дорогу. У нее имелось совершенно особое мнение о бессмертии. По ее словам, человеку, который не может умереть с голоду, ничуть не повредит горячий обед.

Я невольно улыбнулась. Улыбнулся и Хальвар, но больше ничего о матери не сказал. Мне не хотелось спрашивать о том, как она умерла, о том, успел ли он проститься, сколько раз после этого возвращался в родной дом. Вопросов и так оказалось много для одного вечера.

Я снова посмотрела на перевод древней клятвы. Некоторые строки приобрели теперь особый смысл.

— Хальвар, а если отказаться от полученной силы? Здесь, кажется, прямо сказано, что это возможно.

— Да.

Он ответил так просто, что я подумала, будто неверно поняла текст.

— Вы можете перестать быть бессмертным?

— Могу. Нужно вернуться к источнику, назвать себя тем именем, которое я носил до принятия клятвы, и добровольно отказаться от того, что получил. Связь будет разорвана.

— И прикосновения станут безопасными?

— Если все происходит так, как изложено в клятве, должны стать. Воздействие связано с источником, собственная человеческая природа здесь ни при чем.

— Что тогда будет с зимой?

— Ничего особенного. Она наступит в положенное время. Просто никто не остановит лавину по просьбе жителей деревни и не заморозит реку, когда людям понадобится переправа.

— Вы об этом когда-нибудь думали всерьез?

Хальвар не сразу ответил. Он сложил карты, выровнял края и прижал их грузиком, чтобы свернутое полотно не распрямилось.

— Когда еще жива была мать, иногда думал. Позже такие мысли приходили реже. Особенно после того, как люди начали строить дома там, где раньше никто не решился бы поселиться. В долине появились новые мосты, склады, мельницы. Многие сооружения зимой нуждаются в моей помощи. Трудно решить, что однажды я просто перестану приходить.

— А если предупредить людей заранее?

— Предупреждать об опасности мне приходилось много раз. Знаете, что обычно делают с предупреждением, когда

опасность можно устранить с помощью одного человека?

— Надеются, что он ее устранит.

— Вот именно.

Я вспомнила Берна и его рассказ о проекте, на который много лет не выделяли денег. Еще до приезда во дворец мне казалось странным, что королевство позволяет важному сооружению приходить в негодность. Теперь я лучше понимала, почему так происходило.

Хальвар вернул старые записи в футляр. Я помогла ему собрать оставшиеся бумаги, и разговор постепенно перешел к другим вещам. Мы обсудили рисунок на старом полотне карты, поспорили о том, действительно ли нынешние городские дома значительно удобнее прежних, а затем вспомнили, что завтра праздник.

— Сигна сказала, здесь зажигают только два фонаря, — заметила я.

— Внизу, у входа. Их достаточно, чтобы обозначить дорогу во двор.

— А в поселении видно верхнюю галерею?

— В ясную погоду хорошо видно.

— Тогда почему бы не поставить огни еще и там?

Хальвар с сомнением посмотрел на высокие окна библиотеки.

— У нас около тридцати фонарей. Большинство давно не использовалось.

— Значит, завтра будет чем заняться.

— Вы намерены взять выходной?

— На половину дня. Для начала. Вам ведь тоже можно иногда отдыхать?

— Если не случится ничего непредвиденного.

— Договорились. Найдем фонари, проверим, сколько из них еще пригодны для дела. А если окажется, что только два, оставим все как есть.

Он согласился. Я попрощалась и вернулась к себе. Уже снимая платье, вдруг вспомнила, каким тоном Хальвар произнес имена родителей и своего товарища. В голосе человека, прожившего семь столетий, они звучали так же, как имена тех, кого я сама потеряла совсем недавно.

Мне не хотелось думать о том, какое количество подобных воспоминаний он носил в себе. Лучше было поспать, завтра закончить работу пораньше и отыскать обещанные фонари.

* * *

Праздничное утро началось с пирога, который Сигна едва не запретила мне разрезать. Она собиралась отвезти его внучке, однако обнаружила, что на середине образовалась трещина, и немедленно испекла другой. Первый объявили недостаточно красивым и оставили во дворце. Мы с Хальваром, к счастью, не предъявляли к внешности выпечки столь строгих требований.

За завтраком выяснилось, что он собирается до полудня побывать на западной дороге. Возле одного из поворотов снег начал оседать, и Хальвар хотел проверить состояние склона, прежде чем рабочие пустят по дороге повозки. Я попросила Сигну показать мне, где хранятся старые фонари, и до его возвращения решила успеть закончить соединения на двух деталях будущей куртки.

Работа шла хорошо. К середине дня я закрепила серебряные петли вдоль плечевого шва, отметила несколько участков для дополнительной проверки и убрала инструменты. По привычке хотелось взяться за следующий шов, но я взглянула на календарь, вымыла руки и закрыла дверь мастерской.

Сигна нашлась в нижнем крыле. Возле нее стояла раскрытая корзина с гостинцами, а на скамье лежал тяжелый дорожный плащ.

— Вы не забыли про фонари? — спросила я.

— Не забыла. Вон ключ, на крючке. Дверь в конце коридора, за лестницей. Только не вздумайте поднимать большие ящики самостоятельно. Позовите кого-нибудь из работников.

Я взяла ключ и пожелала ей счастливого вечера. Сигна надела плащ, поправила платок и вдруг остановилась.

— Вам не будет тоскливо без семьи?

— Немного. Но у меня сегодня есть планы.

— Тогда хорошо. Если господин Хальвар забудет поужинать, на кухне оставлены мясо, овощи и пирог. Хотя пирога

осталось меньше, чем я рассчитывала.

Сигна укоризненно взглянула на меня. Я пообещала ни при каких обстоятельствах не возлагать ответственность за его исчезновение на зимнего бога и отправилась в кладовую.

Фонарей там оказалось действительно много. Часть была сложена в ящики, часть висела на крючках вдоль стен. У нескольких треснуло стекло, на других заржавели петли. Среди маленьких жестяных фонариков нашлись тяжелые медные, украшенные фигурными прорезями. Я выбрала один и уже собиралась поставить его на стол, когда в коридоре услышала знакомый голос.

— Надеюсь, вы не нашли все тридцать?

Хальвар вернулся с дороги, успел снять верхнюю одежду и теперь стоял возле двери. На его руках были обе защитные перчатки. Он надевал их теперь чаще, хотя для работы в горах они не требовались. Мне нравилось видеть их на нем вне мастерской. Появилось ощущение, что работа, которую я выполняла, уже стала частью его жизни.

— Пока насчитала двадцать семь. Не хватает трех. Возможно, они лежат в верхнем ящике.

— Давайте считать их утраченными.

— Даже не проверите?

— При таком количестве я начинаю жалеть, что рассказал вам про эту кладовую.

Вместе мы перебрали фонари. Двенадцать оказались вполне исправными, еще четыре можно было использовать

после небольшого ремонта. Хальвар достал инструменты, я принесла тряпки и масло. Мы устроились за длинным столом в хозяйственном крыле и принялись за дело.

Пока я протирала стекла, он исправлял погнутые защелки. С одного фонаря пришлось снять дверцу целиком. На другом обнаружилась выгравированная надпись, которую я прочла лишь наполовину. Хальвар объяснил, что это имя ремесленника, изготовившего фонарь, и назвал улицу, где когда-то располагалась его мастерская.

— В Вейрхольме? — удивилась я.

— В старой его части. Теперь там, кажется, продают хлеб.

— Если это возле восточных ворот, то хлеб там очень хороший. А в соседнем доме делают замки.

— Значит, ремесло совсем не исчезло.

Я спросила, когда он в последний раз был в городе, и выяснилось, что больше десяти лет назад. Причем тогда он посещал лишь северную окраину, где располагались склады королевской службы. Мне пришлось рассказывать ему о недавно построенной рыночной галерее, новых мостовых и кофейне южного торговца, открывшейся прошлой весной. Кофе Хальвар пробовал, но по его мнению, напиток, который требуется пить с таким количеством сахара, изначально был приготовлен неправильно.

— Вы просто не умеете его заваривать, — возразила я.

— Возможно. Надеюсь, вы однажды исправите этот недостаток моего образования.

— В Вейрхольме есть гораздо более приятные способы потратить деньги. Покажу вам несколько, когда закончится работа над костюмом.

Хальвар поднял голову. На мгновение мне показалось, что я предложила что-то неуместное. До этого мы говорили о городе, как говорят о далеком знакомом месте, куда необязательно возвращаться. Теперь же я пригласила его туда вместе со мной.

— С удовольствием, — ответил он наконец. — Только предупредите, если среди этих способов окажется покупка второго ткацкого станка. В этом случае мне понадобится повозка.

Мы закончили с фонарями к тому времени, когда за окнами начало темнеть. Хальвар взял два самых тяжелых, я несла остальные по одному или по два. На широких подоконниках верхней галереи мы расставляли их на одинаковом расстоянии друг от друга. Из нижней части дворца доносились голоса работников, заканчивавших дела перед уходом домой. Через некоторое время стало совсем тихо.

Отнести последний фонарь предстояло к дальнему окну, выходившему на дорогу через западный перевал. Я заметила, что внизу, среди деревьев, уже появились огни поселения. Один за другим светились окна домов, и даже с такой высоты можно было различить длинную цепочку фонарей вдоль улицы. Возле нескольких дворов виднелись костры.

— Красиво, — сказала я.

Хальвар поставил фонарь на подоконник и тоже посмотрел вниз.

— Раньше там жило гораздо меньше людей. В темные ночи можно было пересчитать огни, не отходя от окна. Теперь половины домов из-за деревьев не видно.

— У нас в городе дети любят выбирать, у кого самый красивый фонарь. В прошлом году Берн соорудил целое сооружение из цветного стекла. Оно оказалось таким тяжелым, что он полвечера переносил его от одного окна к другому, пока племянники не решили, где ему следует стоять.

— В моем детстве на украшения почти не тратились. Праздник имел другое назначение. В самую длинную ночь ставили огни, чтобы опоздавшие путники могли добраться до жилья. Даже бедные семьи старались оставить у окна хотя бы одну лампу. Если кто-нибудь возвращался с перевала, цепочка огней помогала найти дорогу.

— Я думала, это обычай в вашу честь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.